Лилия ШЕВЦОВА

ОТ РОССИИ ЕЛЬЦИНА К РОССИИ ПУТИНА

(ЭВОЛЮЦИЯ ВЫБОРНОЙ МОНАРХИИ)

Период, прошедший после отставки первого российского президента Бориса Ельцина, оказался насыщен знаковыми политическими событиями и позволяет поднять несколько вопросов относительно эволюции сформированного на предшествующем этапе посткоммунистического развития России режима власти. Новый российский лидер Владимир Путин продемонстрировал сложную взаимосвязь между преемственностью и резким обрывом связи с недавним прошлым. Он не только изменил привычный баланс политических сил в нынешнем обществе и конфигурацию самой власти, но и рискнул пойти на демонтаж важнейших элементов ельцинской политической постройки, тем самым породив новые тенденции в развитии страны. В то же время он не отверг основной принцип ельцинского режима – принцип нерасчлененной, монолитной власти, сделав акцент на его усилении, тем самым возвращая нас к давней российской традиции моносубъектного правления.

Пока, однако, еще преждевременно делать окончательные выводы о том, какая модель власти утвердится в России в результате правления Владимира Путина: станет ли она устойчивым политическим образованием либо еще одним этапом на пути поиска адекватной для общества формы режима и правления; насколько она сохранит демократические черты, а насколько вернется к той или иной форме авторитаризма. Неясны пока и возможности эволюции взглядов нового лидера и его команды, а также направленность их шагов, в случае если они обнаружат, что их попытки построения в России очередной версии «приводных ремней» окажутся несостоятельными. Начнет ли нынешняя правящая команда выстраивать институциональную политику и власть, что не удалось в свое время Ельцину, попытается ли преодолеть кризис обращением к откровенной диктатуре либо возвратится к уже испытанным при прежнем президенте формам гибридной власти, уповая на стагнацию и самосохранение посредством раздачи самой власти, пока остается под вопросом. Несмотря на ряд вполне очевидных тенденций, порожденных Путиным, и проявившуюся направленность его действий, их результат все еще может быть неоднозначен. Попытаемся вычленить основные аспекты доставшейся новому президенту политической реальности и проанализировать его шаги по ее обновлению.

Шевцова Лилия Федоровна, доктор ист. наук, член научного совета Московского Центра Карнеги.

© 2000

Политическое наследие Ельцина

При оценке ельцинского наследия будем исходить из того, насколько политика Кремлевского лидера ведет к укреплению либерально-демократических начал в российской жизни, какова цена его реформаторской деятельности, то есть каково в его деятельности соотношение целей и средств и какие шансы в посткоммунистической трансформации он упустил, сознательно или неосознанно. При первом взгляде на Бориса Ельцина он действительно выглядит, революционером-терминатором, как его изображает подавляющее большинство исследователей, который разрушил не только коммунизм, но и одновременно советское государство-империю. Но на деле его революционная роль не так уж и однозначна, и образ Ельцина-революционера, скорее всего, уже вскоре будет пересмотрен. Обратим внимание на то, что Ельцин оказался лидером России не только потому, что он смог стать выразителем настроений антикоммунистической части общества, но и потому, что в глазах другой – консервативной, номенклатурной части он по-прежнему оставался элементом советской бюрократической машины и потому олицетворял собой преемственность. Именно то, что Ельцин – на короткий, правда, период – смог стать символом одновременно преемственности и отрицания прошлого, помогло ему консолидировать российское общество, облегчило не только его победу в борьбе с горбачевским союзным центром, но также помогло избежать катастрофического обвала в момент разрушения коммунизма.

Для формирования самого лидерства Ельцина исключительно важно было то, что он был не диссидентом, не интеллигентом, как, скажем, академик Дмитрий Сахаров, а бунтовщиком, вышедшим из старой системы и все еще сохранявшим, пусть на уровне своего опыта и ощущений, связь с нею. Для одних сил в России Ельцин выглядел гарантией решительного разрыва с прошлым, для других – само номенклатурное прошлое Ельцина гарантировало, что радикальной чистки власти и революции, которая бы полностью смела старый правящий класс и прежние политические традиции, в стране не будет. Причем революционность ельцинской риторики, используемый им на первых порах стиль народного трибуна помогли Ельцину создать видимость полного разрыва с прошлым, в то время как сам этот разрыв не был столь глубоким, как представлялось вначале – да и не мог быть.

Разрушение советского государства облегчило приход к власти второго эшелона советской элиты, более прагматической, свободной от приверженности к коммунистическим идеалам и давно ждущей возможности приватизировать государственную, «ничью» собственность. Так что Ельцин, разрушая союзное государство, одновременно сохранял преемственность – неважно как – сознательно или неосознанно. Ельцин с самого начала был одновременно и разрушителем и консерватором, и только соединение этих двух ролей позволило ему, с одной стороны, предотвратить полный и неконтролируемый обвал старой системы, но, с другой – не дать обществу возможности последовательно двигаться по пути либерально-демократических преобразований. Двойственность первоначальной роли Ельцина не могла не породить дальнейшую неоднозначность его политического лидерства.

Результаты деятельности Ельцина могут быть относительно объективно осмыслены только при анализе как совокупности демократических стимулов, которые возникли в России в конце 80– начале 90-х годов, так и основных препятствий и ограничителей на пути демократической трансформации. Так, в решающий для новой России момент, в конце 1991 года, когда у власти утвердилась российская элита во главе с Ельциным, общество все еще переживало революционный подъем и было полно надежд на обновление. Оно было готово идти на немалые жертвы во имя нового будущего. Основные структуры партийно-номенклатурной системы, включая и силовые институты, были ослаблены либо находились в стадии саморазрушения. Идеи демократии были поддержаны самыми разными социальными слоями.

Но в то же время существовало гораздо больше факторов, которые осложняли движение России к либеральной демократии. Так, периоду демократизации в России не предше-

ствовал успешный период декомпрессии, либерализации, который, скажем, в Польше и Венгрии облегчил расставание с коммунистическим прошлым. Процесс посткоммунистической трансформации осложняла необходимость одновременно строить новое государство, проводить демократизацию и создавать рыночную экономику – средства решения этих задач нередко противоречили друг другу. Еще больше затрудняло реформы стремление самых разных сил, включая и демократов, сохранить за Россией статус ядерной сверхдержавы, который, между прочим, базировался на элементах старой системы (в первую очередь на мощном военно-промышленном комплексе) и советской ментальности. Играло свою роль и то, что в российском обществе не возникло чувство поражения в отношении предшествующего строя и прежнего государства, которое в свое время в других странах (например, в Германии и Японии после Второй мировой войны) облегчило их включение в западную систему координат. Отнюдь не благоприятствовало реформам в России и сохранение амортизационной подушки в виде мощного сырьевого комплекса, который вел к сохранению прежних механизмов экономического развития и позволял оттягивать момент радикальных экономических реформ.

Разумеется, на ход трансформации повлияла и личность самого Ельцина: груз его политического опыта, его ментальности и привычек, его образование, его амбиции и устремления. Нет сомнений в том, что, по крайней мере вначале, он искренне стремился к возрождению России в качестве цивилизованного члена западного сообщества и был готов поддержать далеко идущие шаги по реформированию плановой экономики. Однако в политике он никогда не давал оснований считать себя демократом. Совершенно напротив – его идеалом была персоналистская модель правления, в которой с самого начала просматривались отчетливые монархические черты, причем византийского характера. Ельцин никогда не понимал целесообразность и необходимость существования оппозиции, политического плюрализма, механизмов сдержек. Тот факт, что он не пошел на жесткую ликвидацию своих политических оппонентов, терпел порой уничтожающую критику со стороны СМИ, объясняется, скорее всего, тем, что он не рассматривал эти явления как опасность для своей власти. Но он не успокаивался, пока не находил способ нейтрализовать политически своих противников, если они становились реальной угрозой для его правления. Именно так он поступил с враждебным ему парламентом осенью 1993 года, не останавливаясь перед применением танков и перед человеческими жертвами.

Полученную власть Ельцин считал чем-то сакральным, данным ему чуть ли не Богом, скорее всего не допуская мысли о посягательстве на нее со стороны других политиков. Заметим, что видение Ельциным власти отличалось от воззрений других лидеров, выросших при советской системе, которые предпочитали избегать ответственности за процесс принятия решений, прячась за формы коллективного руковод-ства. Ельцин с самого начала порвал с советским, коллективистским восприятием власти и откровенно дал понять, что он рассматривает власть как исключительно неделимую и всецело принадлежащую лидеру, то есть ему лично, тем самым возвращая Россию к практике монолитной самодержавной власти.

Не менее существенным для судеб трансформации в России было и то, что команда молодых реформаторов, которую призвал Ельцин в 1991 году, с самого начала сделала упор не на создание демократических институтов и механизма сдержек и противовесов, а на персоналистское лидерство Ельцина, на так называемую «президентскую вертикаль». Отчасти антидемократизм первого поколения российских реформаторов был следствием их неуверенности в своей позиции, результатом опасений потерять власть в ходе свободной игры политических сил. Отчасти авторитарный подход к реформам был результатом стремления как можно быстрее провести наиболее болезненные экономические меры, не прибегая, как казалось, к замедляющим движение компромиссам и социальным пактам.

Как бы то ни было, возможность демократического подъема в России в конце 1991 года для выхода из традиционной как для царистской, так и советской парадигмы монолитной власти за счет принятия новой конституции и строительства политических институтов на основе принципа разделения властей была упущена. Основную ответственность за неиспользованные возможности углубления процесса демократизации несут как Ельцин, так и его команда, которая на первых порах имела немалое влияние на первого российского президента. Разумеется, остается вопрос: а мог ли провинциальный политик, никогда не размышлявший о категориях разделения властей и привыкший исключительно к патримониальному и директивному стилю управления, сознательно пойти на ограничение своей власти, на переход к совершенно новой для него модели власти? Сомнительно, тем более что он не ощущал никакого давления ни со стороны общества, ни со стороны демократических сил двигаться именно в этом направлении. Не исключено, что возможность, о которой мы говорим, была скорее теоретической. В любом случае, как показывает ход событий в России после ухода Ельцина, видимо, придется теперь долго ждать, пока появится новый шанс попытаться подвести черту под прошлым и расчленить российский монолит власти, то есть покончить с единовластием, и это станет возможным только в случае, если само общество заставит власть самореформироваться и отказаться от традиционного для России способа ее самовоспроизводства, фактически независимо от общества, низводя его к роли пассивного объекта.

Так что же возникло в результате ельцинского правления? В России возник гибридный, смешанный режим, в котором можно увидеть и демократические, и авторитарные, и олигархические элементы и который условно можно определить при помощи метафоры «выборная монархия» либо «выборное единовластие»[1]. Российская власть опирается на одобреную в ходе референдума 1993 года конституцию. Но стоит подчеркнуть, что эта конституция является не следствием общественного договора между властью и обществом и даже не следствием соглашения-пакта между различными политическими силами, а результатом победы одной силы, ликвидировавшей своих противников и предложившей обществу свои правила игры, а также использовавшей все ресурсы государства, для того чтобы обеспечить одобрение этих правил. Эта власть получает легитимацию в ходе регулярных и относительно свободных выборов, что нередко вводит в заблуждение исследователей, которые в этом факте видят подтверждение демократизма российского режима. Но действует эта власть, исходя из интересов узких олигархических группировок, и нередко обращается к авторитарным или полуавторитарным методам. Сам факт смешения в структуре режима противоположных по своей сущности элементов, с одной стороны, придает этому режиму определенную пластичность, создает ему возможность эволюционировать в разных направлениях – как в сторону более определенной демократии, так и в сторону откровенного авторитаризма. Но, с другой стороны, гибридный политический режим в России сам воспроизводит напряженность и нестабильность, не имея возможности разрешить внутренний конфликт между демократической легитимацией власти и полуавторитарным, полумонархическим характером ее функционирования. Не менее существенно и то, что этот режим, который строится на основе преемственности и ее отрицания, не может разрешить конфликт между прошлым и настоящим.

В посткоммунистической России на волне демократических ожиданий удивительным образом была воспроизведена модель власти, которая с теми или иными модификациями

[1] *Èãíàòü Êëÿìêèí è Ëèëèÿ Øåâöîâà*. Âíåñèñòåìíûé Ðåæèì Âîðüáà Âòîðîãî. Íåêîòîðûå îñîáåííîñòè ïîëèòèêî-ñîöèîëîãè ïîñòñîâåòñêîé Ðîññèè. Ìîñêâà, Ìîñêîâñêèé Öåíòð Êàðíåãè, 1999.

существовала здесь на протяжении столетий[1]. Эта власть опирается на Лидера-Арбитра, стоящего над схваткой и регулирующего отношения между традиционными блоками российской политической реальности – региональным, силовым, идеократическим и бюрократическим (эти блоки одновременно выполняют роль теневых сдержек и противовесов, которые подменяют механизм институциональных противовесов)[2]. Данный тип власти концентрируется исключительно на проблеме своего воспроизводства, и потому вопрос преемственности, поиска наследника и гарантий последующей безопасности для ее представителей является решающим. Если формула полумонархического персоналистского лидерства и сам его стиль были заимствованы ельцинской элитой из царистского прошлого, то некоторые другие элементы указывают на преемственность по отношению к советскому периоду развития. Компартия, будучи режимным элементом советского прошлого в новой России, является основной организованной политической оппозицией и одновременно важнейшим элементом антикоммунистического режима, подтверждая его амальгамный и внутренне противоречивый характер.

Было бы, однако, ошибкой в ельцинизме и ельцинской конструкции режима видеть лишь механическое повторение прошлого. В силу того что прежние средства легитимации власти – силовые, партийно-идеологические – оказались исчерпанными, этот режим не может существовать, не прибегая к демократической легитимации. Последняя оказывается не только важнейшим средством выживания полумонархической власти, но и одновременно основным фактором, который постоянно раскачивает устои режима, придавая ему дополнительную неустойчивость и уязвимость. Необходимость прохождения через чистилище выборов, как бы ни был эффективен механизм манипуляции их итогами, порождает у правящего класса постоянную неуверенность и одновременно стремление снизить до минимума роль демократических процедур.

Причем режим такого рода по своей сути не может быть консолидированным, ибо в таком случае не остается места для регулирующей роли Лидера-Арбитра, который нуждается в постоянной напряженности и продлении революционного цикла. Тот факт, что Россия при Ельцине так и не смогла выйти из революционного периода и перейти к консолидации на новой основе, является следствием не столько характера личности Ельцина, который не мог функционировать в условиях спокойствия и стабильности, совершенно не был приспособлен к рутинной и последовательной работе, сколько отражением логики созданной им власти, которая требовала постоянных толчков и сама провоцировала конфликты, а затем занималась их разрешением. Не приспособленная для конструктивного созидательного процесса, не имеющая видения перспективы, занятая осуществлением групповых интересов власть была заинтересована в продлении революционного периода до бесконечности. А это предполагало сохранение компартии в качестве основной оппозиционной силы и использование антикоммунистической риторики для консолидации общества, а также постоянный поиск врагов и «козлов отпущения», на которых можно было бы сбросить ответственность за провалы и неудачи.

Еще одной отличительной чертой ельцинского режима является его неспособность, несмотря на все те огромные полномочия, которыми обладает президент, к эффективному осуществлению решений. Механизм силового обеспечения выполнения решений (который действовал на прежних этапах единовластия) уже не работает, а механизм правового обеспечения так и не был создан. В результате президент был вынужден постоянно обращаться

---

[1]Þ. Ôóðñîâ è À Ïèâîâàðîâ îïðåäåëÿþò ýòó âëàñòü êàê “mîíîñóáúåêò”. Ñì. Ðóññêàÿ âëàñòü: Èñòîðèÿ è ïðååìñòâåííîñòü. Ïîëèòèÿ, №1, 1998. С. 79.

[2]Î áëîêàõ, êîòîðûå ñîñòàâëÿþò ïîëå ðîññèéñêîé ïîëèòèêè. ñì. Ì.`Èëüèí, Ïîëèòè÷åñêîå ñàìîîîïðåäåëåíèå Ðîññèè. См. об этом: Pro et Contra, ëåòî 1999, ò. 4, №3. С. 74-75.

за помощью к группам влияния либо создавать новые за счет раздачи властных полномочий и собственности в обмен на поддержку и лояльность. Показательным примером явилось включение Ельциным в процесс принятия решений представителей теневых групп и массовая раздача государственной собственности (через залоговые аукционы) в качестве благодарности за поддержку на выборах 1996 года. Результатом этого процесса было новое переплетение власти и собственности, возникновение на этой основе мощных олигархических групп, которые в рамках выборной монархии фактически играли роль фаворитов при монархическом дворе. Но всякий раз, когда президент пытался получить поддержку со стороны различных групп интересов (региональных, экономических, силовых, бюрократических), происходила девальвация роли самого президента и ослабление его влияния, что в конечном счете привело к формированию режима, который можно обозначить как всесильную, но бессильную власть.

Отметим еще одну особенность созданного Ельциным либо при Ельцине режима – исключительную роль всевозможных неформальных либо полуформальных и аппаратных центров принятия решений и лоббирования решений. С одной стороны, их существование (например, исключительная роль президентской администрации в осуществлении власти в ельцинской России) позволили узкой группе обновленного правящего класса довольно успешно лоббировать свои интересы, «продавливая» необходимые для себя решения. С другой – переток власти в теневые либо аппаратные структуры означал усиление патримониального правления, которое неизбежно должно вести к трению с новым, более плюралистическим и открытым обществом.

Несмотря на наличие глубокого внутреннего конфликта между демократизмом и авторитарностью, ельцинский режим оказался удивительно устойчивым, способным к приспособлению относительно меняющейся реальности. Его самосохранению способствовало отсутствие политической оппозиции, готовой и способной к взятию власти (компартия продемонстрировала стремление к сохранению за собой роли ручной, риторической оппозиции), раздробленность политического класса и его неготовность противостоять правящей кремлевской группировке, возникновение развитой системы патернализма и сделок между различными социальными группами, пассивность общества и его уход в «серую зону», то есть его выживание через существование разнообразных не всегда легальных экономических механизмов. Свою роль сыграла и множественность постоянных конфликтов на всех уровнях политической и экономической жизни, которая в конце концов предотвращала появление опасной для власти биполярной конфронтации как внутри общества, так и внутри самой власти.

Не менее важную роль в самосохранении ельцинского режима играла созданная первым российским президентом атмосфера взаимного попустительства, этакого политического декаданса, при котором власть давала обществу возможность развиваться и выживать самостоятельно, фактически не ограничивая его движение, заботясь лишь о своих собственных интересах. В свою очередь и само общество согласилось на этот вариант «попустительского» развития, не требуя от власти исполнения ее обещаний. Либеральная и демократическая риторика Кремля давала ему возможность сохранять относительно цивилизованный облик, что было важно в отношениях с Западом, и одновременно предотвращала возникновение серьезной либеральной оппозиции. Кроме этого ельцинский режим сумел создать для себя довольно устойчивую социально-политическую базу, в которую входили группировки с внешне противоположными интересами: прагматики-сырьевики, либералы-технократы, силовики-государственники.

Правда, по мере политического угасания Ельцина, усиления его неадекватности, его неспособности решать управленческие вопросы все более очевидно проявлялись признаки деградации выборной монархии: президент все больше ограничивал свои контакты с внеш-

ним миром и в своей политике начал опираться на узкое окружение, которое стало играть роль двора при дряхлеющем монархе. В принципе, подобную эволюцию рано или поздно претерпевали все режимы с патримониальным уклоном, и ельцинский режим не стал исключением. В условиях, когда важнейшим условием включения в правящий круг была личная лояльность президенту, по мере того как у него усиливалась подозрительность по отношению ко всем потенциальным соперникам, по мере того как он ограничивал свои интересы лишь стремлением сохранить власть, неизбежным становилось усиление роли фаворитов, которые стали играть роль наместников и серых кардиналов. А вскоре наступила и очередь родственников Ельцина, которые в условиях все усиливающейся неадекватности Ельцина начали подменять президента. Возник феномен так называемой «Семьи», которая стала решающим фактором в российской политике начиная с 1996 года. С этого момента уже трудно говорить о полноценном правлении Ельцина, и можно лишь гадать, когда он был способен к принятию решений и какие решения принимались за него либо принимались им, но на основе предварительной манипуляции со стороны его окружения[1]. Ельцин из некогда могущественного, харизматического лидера постепенно превращался в бессильного, внушающего жалость старца, которым манипулировали весьма посредственные, серые личности, неизвестно каким образом оказавшиеся в Кремле.

Несмотря на свою гибкость, ельцинский режим, однако, оказался неготовым к разрешению серьезного политического и экономического кризиса, начало которому положил финансовый обвал в августе 1998 года. Стало ясно, что нерасчлененное самодержавие не может решить проблему ответственности за провалы и перейти к обновлению политического и экономического курса. Осенью 1998 года Россия оказалась перед угрозой обвала власти. Ельцин в целях выживания пошел на неожиданный эксперимент, который лишь доказывает отчаянность его положения: он согласился на формирование в России системы двойного лидерства, возложив ответственность за текущее развитие на премьера (им стал Евгений Примаков), который получил поддержку парламента. Впервые за всю историю прежде монолитная власть в России оказалась расчлененной. Благодаря этому эксперименту власть сумела пройти опасный для себя период и удержать контроль за ситуацией. Но в обществе не оказалось сил, которые бы заставили Ельцина и его окружение пойти на конституционное закрепление разделения власти. Эксперимент с новыми правилами игры кончился очень быстро, и вскоре вернувший себе уверенность Ельцин возвратился к своей формуле выборной монархии, тем более что только эта формула власти давала ему возможность гарантировать – преемственность. То, как был решен этот вопрос – через назначение преемника, которым стал Владимир Путин, организацию кампании его избрания с использованием всех рычагов государственного давления и через нейтрализацию оппонентов, – подтверждает сущность возникшего в России политического режима, который мало напоминает демократию.

Как можно определить роль Ельцина в формировании российской политической реальности – действовал ли он осознанно, имел ли он очевидную цель и видение того, что он хотел создать, либо он плыл по воле волн? Борьба против двоевластия в 1991–1993 годах, ликвидация противостоящего ему парламента, принятие конституции (самим им правленной), которая стала основой «суперпрезидентства», – все это свидетельствует о том, что у Ельцина существовало вполне определенное понимание единоличной власти, он последовательно шел к ее формированию, и его не смущала цена утверждения этой власти. В то же время, несмотря на периоды внешней активности и жесткости, Ельцин был в сущности нерешительным человеком. Приливы активности у него сочетались со все более длитель-

[1] Òàêò âëèÿíèÿ íà íåãî ÷ëåíîâ åãî ñåìüè â ëèöå äî÷åðè Òàòüÿíû Åëüöèí ïðèçíàåò ñàì â ñâîèõ ìåìóàðàõ “Ïðåçèäåíòñêèé ìàðàôîí”. Ñì.: Áîðèñ Åëüöèí. Ïðåçèäåíòñêèé ìàðàôîí, Ìîñêâà, 2000.

ными периодами паралича воли, депрессией и растерянностью. Начиная с 1996 года, а скорее и раньше, у него уже была одна цель – сохранение власти и передача ее в надежные руки. Все его действия, вплоть до его неожиданного ухода в декабре 1999 года были подчинены этой единственной цели. Он пожертвовал своим образом революционера и реформатора во имя обеспечения безопасности для себя и своей семьи – довольно жалкий конец для лидера, приход которого к власти сопровождался столь массовыми надеждами.

Видение Ельцина и оценка его личности и его лидерства, возможно, будет меняться со временем – ведь изменилась же оценка лидерства Черчилля и Де Голля. Многое зависит от эволюции его наследства и прочности тех тенденций, которые он заложил. Но уже сейчас видно, что он не сумел утвердиться ни в одной из тех ролей, которые он осознанно либо нет, не важно, играл, – ни в роли великого терминатора (он сожалел о распаде СССР), ни в роли реформатора (ему для этого не хватило последовательности), ни в роли стабилизатора (он сам постоянно провоцировал встряски и так и не смог вывести страну из революционного цикла). Как вскоре оказалось, он даже не смог создать устойчивого политического порядка, ибо назначенный им наследник уже вскоре начал перекраивать его наследство. Вместе с тем, созданная Ельциным атмосфера взаимного попустительства и политического декаданса может оставить о себе по крайней мере приятные воспоминания в сравнении с тем, что может последовать вскоре.

Перестройка президента Владимира Путина

Неожиданная массовая поддержка, которую получил и продолжает сохранять наследник Ельцина Владимир Путин (даже после трагедии с подлодкой «Курск» в августе 2000 года его поддерживали 65% опрошенных), объясняется в первую очередь тем, что он сумел стать символом, с одной стороны, преемственности для правящей группы, которая все еще контролирует важнейшие рычаги власти, с другой – гарантом обновления, прощания с эпохой надоевшего всем и одряхлевшего Ельцина для значительной части россиян. Одновременно Путин стал олицетворением долгожданного Порядка для разочарованного и уставшего от ельцинских встрясок общества. Но заметим, что самые разные слои общества понимают Порядок по-своему. Для одних порядок- это возвращение к стабильности в советском духе, для других – это умеренные реформы. Для одних порядок – это национализация приватизированной собственности, для других – это «нулевой вариант», который означает отказ от любого пересмотра результатов ельцинской экономической реформы и мирное подведение черты под прошлым.

Причем сам Путин, понимая эклектичность и противоречивость своей социальной базы, постарался как можно дольше оставаться тайной, удерживаясь от конкретизации своего политического образа, чтобы предотвратить распад своей опоры до момента, когда он мог бы почувствовать себя уверенным. Но вскоре логика ельцинского режима взяла свое и начала диктовать свои правила. Для того чтобы прежняя правящая группа согласилась на добровольную передачу власти, ей были необходимы гарантии несменяемости сформированных Ельциным правил игры и, судя по всему, такие гарантии от Путина правящая группа получила. Но, для того чтобы наследник не оказался в унизительной для себя ситуации заложника прошлого, для того чтобы он «вышел из рукава ельцинской шинели», ему нужно было пойти на решительные меры по обновлению режима, а также по смене его прежней базы и ближайшего кремлевского окружения. В противном случае Путин не имел никаких шансов удержать в сфере своего влияния тех, кто надеялся на обновление, а это было большинство российского общества.

Так что рано или поздно Путин должен был начать демонтировать ельцинский режим выборной монархии. Но при этом перед ним было несколько вариантов ее реорганизации.

Он имел возможность воспользоваться своим небывалым рейтингом и полученной легитимностью и начать перестройку царистского единовластия, сделав упор на создание самостоятельного правительства, усилив парламент, создав возможность для укрепления независимой многопартийной системы, местного самоуправления, судебной системы. Но Путин пошел по иному пути – он сделал ставку на создание механизма «приводного ремня», формирование более четкой и последовательной системы подчинения сверху донизу, на ликвидацию ельцинской практики теневых сдержек, а также атмосферы взаимного попустительства. Не ликвидируя сам принцип выборного самодержавия, Путин сделал попытку придать этому режиму вертикальное обеспечение, стройность и ясную проходимость решений, которые не должны обсуждаться, а должны выполняться, причем по-военному, без напоминаний.

Словом, какие бы заявления ни делал Путин о своей приверженности либеральной демократии, его действия дают основания делать вывод, что он готов взять под контроль демократический компонент режима выборной монархии и одновременно уничтожить либо по крайней мере существенно ослабить его олигархическую составляющую. Целый ряд предпринятых им на первом этапе своего правления шагов укладывается в рамки именно такого – «вертикального», назначенческого понимания власти. Это и попытки ограничить строптивость независимых СМИ, ослабить их критику власти и одновременно усилить за ними государственный контроль. Это и начатая им реформа отношений центра и регионов, которая ведет к большему подчинению региональных лидеров центру, а также усилению унитарных элементов в функционировании Российской Федерации.

В принципе, рано или поздно нужно было решать проблему полуфеодальной раздробленности России, возникших в отдельных регионах не подчиняющихся Москве автономных авторитарных режимов. Но это можно было делать через усиление правовых рычагов, создание эффективной судебной системы, укрепление институтов законодательной власти и местного самоуправления. Путин же пошел по пути укрепления личной зависимости региональных лидеров от президента, то есть через усиление самодержавия и ослабление федералистского характера российского государственного устройства. Если Ельцин был вынужден опираться на олигархические группы, раздавая им рычаги контроля как плату за лояльность, то Путин явно пытается рецентрализировать власть и перенести ее опору на государственную бюрократию. Вполне определенный привкус новой власти придает и тот факт, что в своей попытке упорядочить ельцинскую гибридность она пытается опереться на прокуратуру и превратить ее в политический инструмент, что не может не напоминать о вполне определенном периоде советской истории.

Немаловажным компонентом нового режима является и усиление влияния на процесс принятия решений представителей силовых структур, и в первую очередь спецслужб, которые начали привносить в политический процесс вполне определенные стереотипы ментальности и политического поведения: подозрительность к инакомыслящим, попытки ограничить свободу оппозиции, подчинить все институты воле президента. Впрочем, именно такой характер действий от Путина и можно было ожидать, учитывая его предыдущий опыт работы в спецслужбах и других закрытых системах и отсутствие навыка компромиссов, договоренностей и участия в открытой политической борьбе.

Какова же результативность действий новой или скорее обновленной правящей команды по перестройке ельцинской выборной монархии? Если судить по внешним показателям, то можно констатировать несомненные успехи Путина в зачистке политического поля и приручении всех политических сил. Используя давление, натиск, устрашение, кремлевская команда за короткое время сумела реорганизовать Совет Федерации, сведя его роль к чисто формальной, приручить Думу, нейтрализовать прежних политических конкурентов и соперников, ликвидировать созданную Ельциным систему неформальных балансиров. Пу-

тин превратился в основной системообразующий фактор российской политики в том смысле, что все остальные субъекты политики теперь вынуждены зависеть от его действий и их функция сводится в основном к реагированию на действия Кремля. Сконцентрировав в своих руках все основные административные, бюрократические, силовые и финансовые ресурсы, президент в настоящее время превратился в основного регулятора, и ему даже не нужно играть ельцинскую роль арбитра, так как уже удалось ликвидировать горизонтальные центры влияния, еще недавно составлявшие ельцинскую «паутину».

В этой связи возникает два вопроса: в какой степени Путину удастся создать в России новый механизм «приводного ремня»? Уже первый этап путинской перестройки показал, что на пути осуществления его идеи «приводного ремня» возникли серьезные препятствия. Так, при попытке ликвидации атмосферы взаимного попустительства он затронул интересы могущественных слоев, которые удобно выживали в этой атмосфере, – в первую очередь региональных лидеров и олигархов. Его политика не понравилась и многим либералам-технократам, которые выступили против ограничения свободы СМИ и их огосударствления. Встретив сопротивление на нескольких фронтах, Путин был вынужден соглашаться на компромиссные варианты, что выхолащивало его идею власти на основе механического подчинения. Но самое главное, Путин сам подорвал возможность осуществления своей идеи, избрав селективный, выборочный подход при формировании нового порядка. Так, он попытался ограничить олигархическую канву режима, но за счет устранения или устрашения лишь оппозиционных и для него лично опасных политических групп, при этом сохраняя презумпцию невиновности и атмосферу благоприятствования для старого кремлевского двора, который помог ему прийти к власти и которому он, видимо, был все еще обязан. Но в данном случае любое исключение из правила ставит под сомнение возможность создать желаемую Путиным систему вертикального упорядочивания – механизм «приводного ремня» не выносит исключений. Помимо прочего, используемая путинской командой практика устрашения оказалась эффективной лишь на начальных порах. Политический опыт говорит о том, что такая тактика может быть успешной только в том случае, когда замах, в конце концов, все же доводится до логического конца.

Но самое главное – это то, что своим стремлением сконцентрировать в своих руках все полномочия Путин собственноручно загоняет себя в ловушку. Дело в том, что он, в силу отсутствия иных самостоятельных политических институтов и влиятельной оппозиции, несет всю ответственность за политическое и экономическое развитие, а следовательно, и за все провалы и ошибки. К чему ведет эта концентрация ответственности очевидно – к постепенной делегитимации власти и потере ею массовой поддержки. В свое время Ельцин, видимо, осознал возможные последствия чрезмерной централизации власти и пошел на формирование целой системы распределения ответственности. Постоянные чистки и кадровые перетасовки, существование дублирующих друг друга органов, намеренное продление революционного цикла с его антикоммунистической риторикой – все это должно было не просто выпускать пар из котла, но в первую очередь предотвращать делегитимацию президентской власти. Путин, пытаясь ликвидировать ельцинскую систему попустительства и теневых центров влияния, концентрируя все полномочия в своих руках, фактически превращает себя не только в главного ответственного, но и главного виновного. Кроме того, в условиях такой сложнейшей системы, которой стало российское общество, переход на ручной контроль и усиление персоналистского лидерства просто не дает возможности для эффективного управления. Более того, нейтрализация остальных политических институтов и устрашение политических сил и оппозиции в качестве своего последствия имеет усиление безответственности и деструктивных действий, которые становятся единственным способом самоутверждения отдельных политических субъектов.

Впрочем, возникает и вопрос: а можно ли ввести искомую систему «приводного ремня» в достаточно плюралистическом обществе, привыкшем жить в атмосфере взаимного попустительства? Практика показывает, что сделать это лишь при помощи бюрократического давления и политики устрашения без применения жестких мер силового воздействия очень трудно, а скорее и невозможно. Именно поэтому ни одно действие путинской команды и не было доведено до своего логического завершения. Так, назначенные им представители президента в семи новых округах не получили достаточных полномочий, чтобы реально контролировать региональных лидеров. Арест хозяина НТВ Владимира Гусинского, который должен был означать одновременно устрашение и олигархов, и независимой прессы, завершился тем, что Гусинского все же выпустили, предъявив смехотворные обвинения. Да и сама антиолигархическая революция, понимаемая как полное высвобождение Кремля от влияния прежних группировок, которые выросли за счет отсутствия грани между властью и собственностью, пока явно застопорилась. Стремление ограничить самостоятельность независимых экономических и политических субъектов привело к тому, что они стали вести себя более осторожно, но усилилась угроза саботажа с их стороны любых решений Кремля.

Помимо этого, драматические события августа 2000 года – взрыв на Пушкинской площади, трагедия с атомной подлодкой «Курск», пожар на Останкинской телебашне, продемонстрировав неспособность политического руководства адекватно справляться с ситуациями вызовов, подорвали веру в эффективность новой правящей команды и ее способность к жестким действиям в условиях кризиса. Сам этот факт может оказаться толчком, который подтолкнет недовольные группы к консолидации и открытому проявлению недовольства политикой центра, что, несомненно, сузит для президента поле маневра по формированию власти, основанной на субординации.

Кроме того, стало ясно, что принятая Кремлем на вооружение тактика укрепления власти президента, в первую очередь на основе манипулятивных технологий по созданию имиджа, возможно эффективная в момент выборов, быстро теряет свою результативность, ибо нормальный цикл правления требует от лидера иных форм деятельности и определенных результатов этой деятельности. Поддерживать рейтинг лидера лишь за счет постоянного использования «технологий» в этих условиях становится все сложнее.

В любом случае ясно, что идея порядка, основанная на «приводном ремне», вряд ли может быть осуществлена в обстановке отсутствия у государства необходимых рычагов подавления. Так что в нашем случае дело, скорее всего, завершится полуавторитарными либо полутоталитарными синдромами, не имеющими своего завершения. Конечно, повторение этих синдромов вряд ли облегчит укрепление демократических институтов в России. В то же время незавершенность самих этих синдромов будет дискредитировать власть, усиливать впечатление ее бессилия. Переход же к более однозначной и жесткой диктатуре в России вряд ли возможен в условиях существования мощных групповых интересов, стремящихся к децентрализации власти и сохранению основных свобод, слабости основных силовых механизмов государства (что продемонстрировано чеченской войной), а также отсутствия лояльной центру и монолитной бюрократии, которая при тоталитарных режимах является одним из основных механизмов правления.

Вероятно, на сей раз попытка строительства в России очередного варианта «приводных ремней», скорее всего, завершится неудачей. Но вопрос о том, в каком направлении пойдет российский правящий класс, когда результаты нынешней перестройки ельцинской выборной монархии станут очевидны, остается открытым. Пока не ясно, когда сам президент осознает обреченность своего замысла вернуть Россию к чистой модели нерасчлененной власти. Не исключено, однако, что российское общество движется в сторону очередной драматической ловушки, когда провал мягкого авторитаризма либо его экономическая и управленческая неэффективность могут толкнуть часть политического класса и часть обще-

ства к попыткам выйти из ситуации за счет перехода к тоталитарному правлению даже при отсутствии реальных средств его осуществления. В этом случае вполне может оказаться, что при отсутствии в России сильных лидеров демократического плана президент Путин, с его полуавторитарными синдромами, может стать препятствием на пути движения общества и власти в вышеуказанном направлении. Но сможет ли он вовремя понять значение своей промежуточной роли и осознать те новые вызовы, которые возникнут перед Россией, и готов ли он сделать то, что не сумел сделать Ельцин, – вывести Россию из традиции монолитной власти – остается неясным. Важно и то, какую цену общество заплатит за свои очередные надежды и иллюзии, в очередной раз связанные с личностью и ее возможностями установления порядка не на основе институтов, а на основе персонального лидерства.